РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 24. 12-го Іюня 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

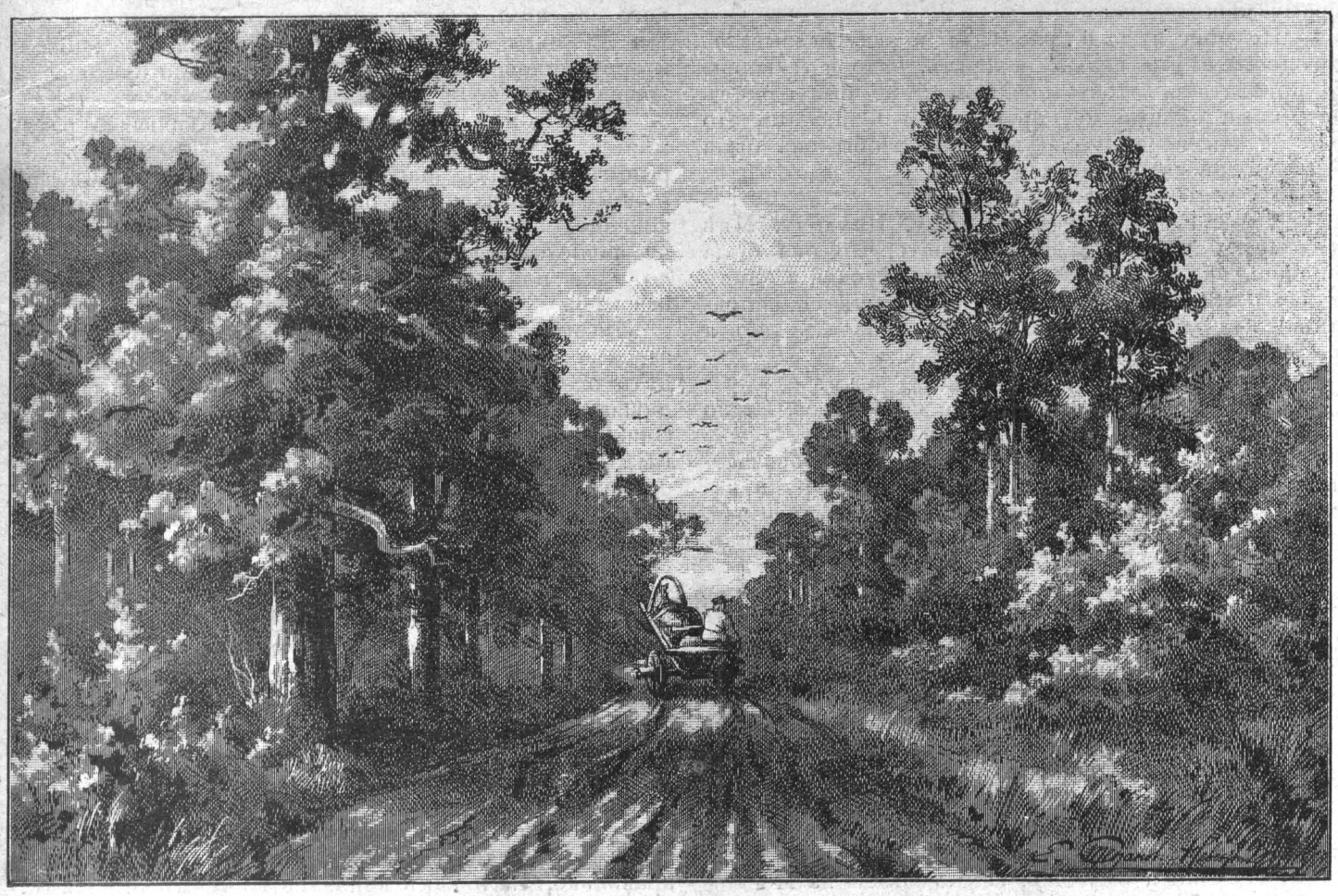
Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Для гг. подписчиковъ журнала и газеты «РОДИНА», уплатившихъ при подпискѣ **только ТРИ рубля,**

съ №. 26-го прекращается высылка

журнала и газеты, въ виду чего контора проситъ **поспѣшить** высылкой доплатнаго взноса.

При доплатѣ необходимо **прилагать адресъ,** который наклеивается на оболочку журнала, и указывать, что деньги посылаются въ доплату. Если приложить этотъ адресъ не представляется возможнымъ, то убѣдительно просятъ проставлять слѣдующее: **номеръ, стоящій въ лѣвомъ верхнемъ углу адреса,** и **цифры тракта и мѣста,** стоящія въ **правой** сторонѣ адреса, т. е., дѣлать приблизительно такую надпись: **№. 12.000, тр. 15, м. 70.**



ЛѢТОМЪ ВЪ ЛѢСУ. Оригин. рисун. **Е. Степанова-Невскаго.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе).

НЪСКОЛЬКО разъ Миляй принимался говорить съ другомъ все о томъ-же и каждый разъ Абрамъ все рѣзче и рѣшительнѣе совѣтывалъ другу послушаться Файки.

— Убить нѣмца,—говорилъ онъ,—будетъ не мудрено—онъ хилый. А коли она тебѣ поможетъ, такъ и того легче. Только, полагаю, одна маленькая помѣха, это—его Лукерья. Ее придется тоже похерить. Вѣдь, она дома безотлучно?

— Выходитъ теперь, уже два убійства бери на душу! — воскликнулъ Миляй.

— Да это—не бѣда. Одного-ли похерить, или двоихъ, все—то-же: дѣло въ убивствѣ, а не въ томъ, сколько человѣкъ ухлопать... Что одного, что десятокъ, все—то-же.

И, чѣмъ рѣшительнѣе говорилъ Абрамъ, тѣмъ болѣе молчалъ, уже колеблясь, уже рѣшаясь, легкомысленный Миляй. Кончилось тѣмъ, что Абрамъ уже сталъ спрашивать у друга:

— Скоро-ли ты, или годъ цѣлый все думать будешь? Продумаешь до тѣхъ поръ, пока Файка утопится или повѣсится. А жаль дѣвченку. За одну ея любовь къ тебѣ ты долженъ на это идти. Ты думай побольше о томъ, что будешь вольный и она вольная, какъ вы повѣнчаетесь да заживете въ Москвѣ богачами. Обѣщайся ты себѣ какой-нибудь положить срокъ—ну, три дня, что-ли—и порѣшай: или идти на это, или не идти. А что такъ тянуть?

Миляй обѣщался, но черезъ три дня объявилъ Абраму рѣшительно:

— Не могу я, да и нельзя. Ты правду сказывалъ, что одного нѣмца нельзя похерить, надо и Лукерью его прихватить, чтобы свидѣтелей не было; одинъ я съ ними обоими не справлюсь, а Файку въ это дѣло путать не хочу... Я не хочу, чтобы она была убивицей, ни за что не хочу!

— Почему? — удивился Абрамъ.

— Да и сказать тебѣ не могу. Не хочу. Мнѣ все сдается, что, когда я буду знать, что она была убивицей, она мнѣ не люба будетъ. Пускай я одинъ злодѣемъ жить на свѣтѣ буду, а она будетъ непричастна. Ужъ я такъ порѣшилъ. А пояснить тебѣ я ничего не могу.

— Такъ, стало, ты рѣшилъ одинъ идти?

— Я и говорю, что одному не справиться. Стало быть, и дѣлать нечего.

— Вотъ дуракъ и выходишь. Будешь несчастнымъ, и подѣломъ. Бѣдная Файка на себя руки наложитъ, ты загрустишь, пить начнешь, или иное что, и тоже кончишь тѣмъ, что самъ съ собой порѣшишь. Все прахомъ и пойдетъ.

XLV.

Въ домѣ князя Ягузинскаго время пошло на иной ладъ. Тихіе и мирные дни не чередовались, какъ прежде. Каждый день казался длиннымъ, безконечнымъ. А дней пять-шесть одинъ за другимъ промелькнули такъ быстро, что казались инымъ обитателямъ однимъ днемъ.

Если была смута въ домѣ, когда полиція забирала дворовыхъ одного за другимъ, засуживала или отпускала и брала другихъ, теперь въ домѣ было такое смущеніе и смятеніе, какъ если-бы на Москвѣ былъ потопъ или моровая язва. Въ пять дней приключилось столько новаго и бѣдоваго, что не только дворовые или приживальщики, но и сама княгиня была встревожена настолько, что почти хворала. Эта хвора была не такая, какъ отъ колдовства любъ-травою. Боли у княгини не было, она не кричала въ перепугѣ, но сидѣла въ своемъ большомъ креслѣ сумрачная и молчаливая, а затѣмъ „прикладывалась“ на кровать, думала, тревожилась, отчаявалась, дремала и, придя въ себя, снова тревожилась.

Лисафы она не вызывала и была на нее сильно разгнѣвана, а зато вызывала къ себѣ Минича и держала подолгу, разговаривая о бѣдѣ. Причиной былъ внезапный арестъ Анны Тихоновны и все, что за этимъ послѣдовало, „изъ огня да въ полымя“.

Вскорѣ-же послѣ заявленія Лисафы Давыдовны въ полицію, самовольнаго и тайно отъ княгини, двое полицейскихъ явились въ домъ Ягузинскихъ, чтобы взять подъ стражу госпожу Завьялову.

Княгиня взволновалась, но не перечила, а велѣла только заложить телѣжку, чтобы бѣдной Анны Тихоновны не вели по улицѣ на веревочкѣ, какъ дѣлалось по обычаю.

Всякій взятый въ полицію, или арестованный, хотя-бы это была женщина или мальчишка, уводился на одинъ ладъ: арестованному привязывалась веревка или веревочка на руку и полицейскій велъ его предъ собой, держа за другой конецъ. Если это былъ здоровый малый или сомнительный, способный убѣжать, то являлись двое и трое полицейскихъ: одинъ велъ арестованнаго на веревкѣ, а другой или двое другихъ шли около. При этомъ выбирались такіе будочники, которые были прытки бѣгать и могли-бы въ случаѣ нужды легко догнать убѣгающаго.

Повидавшись съ Анной Тихоновной и узнавъ, что будетъ телѣжка, полицейскіе рѣшили, что и одного изъ нихъ будетъ достаточно. Худощавая и тихая женщина, похожая на старуху, казалось, была преступницей такого рода, что и сама по приказанію дошла-бы въ полицію.

Когда Анну Тихоновну увезли, княгиня, разумѣется, тотчасъ-же спросила у Лисафы, какимъ образомъ полиція узнала объ ея колдовствѣ. Лисафа рѣшительно заявила, что она сама донесла на Завьялову, конечно, изъ любви къ княгинѣ, такъ какъ, пока не начнется сыскное дѣло относительно виновной, до тѣхъ поръ колдовство будетъ продолжать дѣйствовать.

Лисафа, думая, что княгиня разгнѣвается, уже заранѣе рѣшила, что, вѣроятно, ей придется посидѣть около недѣли въ своихъ комнатахъ и разсердившаяся барыня не пуститъ ея къ себѣ на глаза. Однако, оказалось противное. Княгиня скрыла свой гнѣвъ и приняла извѣстіе молчаливо. Она только сурово выговорила:

— Не подобаетъ нахлѣбникамъ самовольно распоряжаться въ домѣ своихъ благодѣтелей.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Завьялову увезли со двора, ея сынъ тоже вышелъ и пропалъ на цѣлый день. Антонъ Тихоновичъ, пораженный арестомъ сестры, цѣлый день волновался уже не изъ-за нея, а изъ-за племянника: она была, очевидно, уже засажена, а, гдѣ пропадалъ племянникъ, было неизвѣстно.

Между тѣмъ, Никуша цѣлый день ходилъ изъ одного полицейскаго или судейскаго мѣста въ другое. Всюду, гдѣ онъ появлялся, онъ спрашивалъ о матери и требовалъ видѣть кого-либо изъ начальства, чтобы заявить, что его мать взяли совсѣмъ неправильно, такъ какъ виноватъ во всемъ онъ самъ,

Разумѣется, изъ одного мѣста его посылали въ другое, чтобы объявить о себѣ именно тамъ, гдѣ находится его мать. И только вечеромъ, не найдя матери ни въ полиціи, ни въ сыскномъ приказѣ, ни въ двухъ тюрьмахъ на двухъ окраинахъ Москвы, ни въ двухъ или трехъ „убогихъ домахъ“, куда при переполненіи мѣстъ заключенія тоже сажали вновь арестованныхъ, Никуша, наконецъ, нашелъ мать въ одномъ полицейскомъ домѣ, гдѣ были заключенные преступники особаго рода. Здѣсь не бывало ни одного вора или простого мошенника, не было убійцъ, а были исключительно разные юродивые или блаженные, колдуны и колдуньи. Большинство изъ нихъ бралось и содержалось недолго. Какой-нибудь юродивый бывалъ арестованъ за то, что начудилъ на улицѣ, за то, что соблазнялъ прохожихъ, и такого отпускали черезъ сутки или двое. Но были, конечно, и важные уголовные преступники. Уже пять лѣтъ сидѣлъ одинъ старикъ семидесяти лѣтъ, полурусскій, полутатаринъ, обвиняемый въ цѣломъ рядѣ дьявольскихъ дѣлъ. Это былъ страшный колдунъ, перепортившій чуть не сотню народа. Дѣло его было такое мудреное, что сами судьи не знали, когда можно будетъ его присудить въ Сибирь, въ каторгу и приговорить къ такому количеству плетей, чтобы онъ при отсутствіи смертной казни могъ все-таки быть похереннымъ.

Никуша заявилъ кому-то изъ приказныхъ то-же самое: что его мать заарестована напрасно, а виновенъ во всемъ онъ самъ. Послѣ краткаго опроса ему все-таки велѣли приходить на другой день.

Вернувшись поздно вечеромъ домой, онъ разсказалъ все дядѣ, а затѣмъ попросилъ у него денегъ, сколько найдется въ домѣ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Зачѣмъ? — удивился Антонъ Тихоновичъ.

— Говорили мнѣ, что надо закупить, надо всѣмъ тамъ раздать — кому поменьше, кому побольше — для того, чтобы меня взяли, а такъ, говорятъ, не возьмутъ.

На другой день, захвативъ изъ дома около пятнадцати рублей — все, что нашлось у Антона Тихоновича, — Никуша снова отправился въ тотъ-же убогій домъ. На этотъ разъ, благодаря подачкамъ, его не прогнали, а засадили на мужской половинѣ.

Анна Тихоновна была уже подробно опрошена судьями, но безъ пристрастія, т. е., безъ пытанія и безъ плетей, такъ какъ она сама созналась во всемъ и разсказала все подробно.

Въ тотъ-же день были посланы сыщики найти и взять колдунью Козюлю.

Въ первый день ареста и допроса Анна Тихоновна была спокойна и такъ просто, добродушно, толково и убѣдительно разсказала про свой грѣхъ съ княгиней, что своей фигурой, лицомъ, голосомъ удивила даже приказныхъ. Они видѣли виды, зачерствѣли разумомъ и сердцемъ, а, между тѣмъ, эта женщина со старымъ лицомъ и молодымъ голосомъ нравилась имъ поневолѣ и они поневолѣ жалѣли ее и приговаривали:

— И зачѣмъ ты, голубушка, сказалась? Молчала-бы, держала-бы все про себя, пока никто не зналъ, а теперь шутка-ли что будетъ — не выживешь, не перенесешь. Хоть ты и созналась сама, а все-таки тебя пытать будутъ, чтобы узнать, нѣтъ-ли чего. Кромѣ того, не колдовала-ли прежде когда? хоть лѣтъ двадцать тому назадъ, все равно, такъ законъ гласитъ.

На третій день ареста Анны Тихоновны дѣло ея неожиданно повернулось, все пошло наоборотъ. Ей объявили, что ея собственный сынъ сказался самъ, пришелъ, повинился и беретъ всю вину на себя. А разсказываетъ все такъ толково и про себя, и про мать, что видать ясно, какъ было дѣло: ясно, что она все изъ любви къ сыну взяла на себя, а колдовалъ-то онъ одинъ.

Анна Тихоновна перепугалась на-смерть и впала въ полное отчаяніе. Ни приказные, ни пытка, ни ожидающее ее наказаніе, ничто ея не волновало и не страшило. Безумный поступокъ сына ее сразилъ.

Разумѣется, между матерью и сыномъ тотчасъ-же сдѣлали очную ставку. И женщина, и молодой человѣкъ показывали совершенно разное. И она, и онъ равно путали, противорѣчили другъ другу, брали каждый все на себя. Кончилось тѣмъ, что судьи рѣшили допрашивать Никиту Узинскаго подъ пристрастіемъ, чтобы онъ положительно взялъ всю вину на себя или-же сознался, что беретъ колдовство на себя зря, изъ любви къ матери.

У Анны Тихоновны не было съ собой ни гроша денегъ и она не могла подкупить кого-либо изъ приказныхъ или солдатъ, но она въ то малое время, что была подъ стражей, успѣла подкупить всѣхъ самой собою, своимъ лицомъ, своимъ обращеніемъ со всѣми. Вечеромъ, послѣ очной ставки матери съ сыномъ, одинъ старичекъ-приказный вызвалъ ее къ себѣ и объяснилъ, что говоритъ съ ней частнымъ образомъ изъ жалости, чтобы посовѣтывать ей, какъ быть.

— Я, голубушка моя, — тертый калачъ, — заговорилъ онъ, — все-то вижу насквозь — и людей, и всякія дѣла. Человѣкъ я не злой, худого никогда во всю жизнь никому не сдѣлалъ, а, будучи вотъ тутъ, среди всякихъ кровопивцевъ и убивецъ, среди безаконныхъ законниковъ, судителей, умертвителей, я все-таки Бога помню и Божьи заповѣди исполняю. Вотъ тебя и твоего сынка я сейчасъ-же проглядѣлъ насквозь. Жалко мнѣ васъ. Чую я, даже скажу прямо, знаю и вижу, что ты эту самую колдовскую траву раздобыла себѣ отъ колдуньи, но класть ее, какъ ты сказываешь, въ постель княгини Ягузинской у тебя смѣлости не хватило и поручила это дѣло ты кому-нибудь другому. А сынъ твой беретъ все дѣло на себя. Завтра его будутъ допрашивать съ пристрастіемъ. Не такіе, какъ онъ, черезъ два часа послѣ пристрастія не то что разсказывали всю правду, а брали на себя такіе грѣхи и такія преступленія, какихъ и во снѣ не видывали, не только что не совершали. Такъ вотъ ты мнѣ и скажи по совѣсти — не отъ страха а побожившись предъ Господомъ Богомъ — клала ты въ кровать княгинѣ это колдовское снадобье или не клала? А я тебѣ побожусь, что этого никому не скажу. Спрашиваю для себя и для того совѣта, что дамъ тебѣ.

Внѣшность старика и его доброе лицо настолько подѣйствовали на Анну Тихоновну, что она тотчасъ-же перекрестилась и выговорила:

— Вотъ какъ предъ Богомъ! Но только вамъ однимъ скажу. Травы этой я не клала. Но тоже побожусь, что и Никуша мой не только не клалъ, но обо всемъ дѣлѣ не зналъ ничего. Узналъ онъ тогда, когда я сама ему и брату созналась, а беретъ онъ на себя ради моего спасенія.

— Ну, такъ вотъ что, голубушка! Коли ты сына любишь и не хочешь, чтобы онъ погибалъ, такъ живо завтра-же пораньше объяви, что просишь тебя допросить прежде сына, и заяви, кому ты колдовство поручила, кому дала травку и кто ее клалъ.

— Жалко мнѣ ея!—выговорила Завьялова:—она—тоже человѣкъ старый.

— А сына, стало быть, не жалко, онъ—человѣкъ молодой? А кому погибать болѣе подходящее дѣло:

старому, пожившему, или молодому, который еще и не жилъ—у него все впереди,—да еще погибать-то по милости матери, которой чужого человѣка болѣе жалко, чѣмъ родного сына?

Эти слова внезапно подѣйствовали на Анну Тихоновну, и настолько сильно, что она не сказала, а вскрикнула:

— Такъ, такъ! Золотыя ваши слова! Нечего мнѣ жалѣть чужихъ людей. Сына надо какъ-нибудь выгораживать.

ШАЛОСТИ АМУРОВЪ. Съ картины Л. Детманъ.

XLVI.

Разумѣется, на другой день Анна Тихоновна, едва проснувшись, по указанію стараго приказнаго, попросила доложить судьямъ о ней и ея желаніи сказать настоящую правду.

Черезъ часъ Анна Тихоновна заявила, что хотя она, дѣйствительно, получила любъ-траву отъ колдуньи, но положить сама подъ подушку постели княгини не могла, не сумѣла, а передала ее Патрикѣевнѣ, мамушкѣ молодой барышни Зоричъ, мамушка эту травку и положила.

Судьи были, видимо, поражены. Заявленіе Завьяловой было для нихъ, очевидно, чѣмъ-то очень важнымъ. Никита Узинскій былъ немедленно выпущенъ, чуть не выгнанъ противъ воли, а одинъ приказный—даже дьякъ, а уже не простой полицейскій,—былъ тотчасъ-же отправленъ въ домъ князя Ягузинскаго немедленно взять и доставить няню барышни Зоричъ.

Около полудня помертвѣлая отъ ужаса Патрикѣевна была уже въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ сидѣла Завьялова. Разумѣется, старуха догадывалась, что Анна Тихоновна, не стерпя пытки, показала всю правду.

И въ тотъ-же день, такъ какъ судьи почему-то особенно спѣшили, Патрикѣевна была допрошена и во всемъ созналась. Она, дѣйствительно, сама предложила Завьяловой взять приворотъ и положить его подъ подушку княгини.

— А знаетъ-ли объ этомъ сама барышня, говорила-ли ты что объ этомъ своему дѣтищу, или нѣтъ?—спрашивали у Патрикѣевны.

Она отвѣтила, божась и крестясь, что ея Мариночка ничего не знала и не знаетъ. Могла-ли она свое дѣтище въ такое дѣло впутать?!

Тѣмъ не менѣе, тотъ-же вопросъ былъ предложенъ старухѣ еще раза два-три. Судьи какъ-будто настаивали и какъ-будто очень желали, чтобы питомица старухи стала причастной къ дѣлу. Допросъ окончился объявленіемъ Патрикѣевнѣ, что такъ какъ она, можетъ быть, себя оговариваетъ, какъ оговорила себя Завьялова, то наутро она будетъ опрошена снова, но ужъ съ пристрастіемъ, и, хотя года ея большіе, тѣмъ не менѣе, съ ней поступятъ строжайше.

— Какъ угодно, хоть умертвите, а все то-же скажу, — заявила Патрикѣевна: — взяла я приворотъ

Сканирован reductor
rutracker.org

колдуньи и своими руками положила подъ подушку княгини.

Между тѣмъ, въ домѣ Ягузинскихъ съ той минуты, что дьякъ увезъ Патрикѣевну, было еще большее смятеніе, чѣмъ когда-либо. Мариночка страшно рыдала на весь домъ, когда ея мамушку брали полицейскіе. А въ ту минуту, когда телѣжка скрылась уже за воротами, упала на полъ, гдѣ стояла, и лишилась чувствъ. Дѣвушка долго пролежала безъ памяти. Ее привели въ себя всякими средствами, перенесли и уложили въ постель. Но, полежавъ въ постели не болѣе получаса, молодая дѣвушка вскочила на ноги, кое-какъ одѣлась и побѣжала къ княгинѣ.

Ворвавшись, а не вбѣжавъ въ маленькую гостиную княгини, Мариночка съ крикомъ бросилась къ ней, обхватила ее обѣими руками за шею и повисла на ней. Если-бы дѣвушка была не такая маленькая и легкая, то, конечно, она задушила-бы тучную княгиню въ своихъ объятіяхъ.

— Бабушка! я... я... — закричала она.

И на всѣ вопросы ничего не понимавшей княгини дѣвушка повторяла, рыдая, все тѣ-же слова:

— Я... я... я, бабушка!

И не скоро овладѣла она вполнѣ собой и разсказала прерывающимся отъ слезъ голосомъ, что ея мамушка Патрикѣевна совсѣмъ не причемъ: она только взяла приворотъ у Анны Тихоновны, но ей не удалось положить его, а положила она сама, Мариночка.

Понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, княгиня вскрикнула и схватила себя за голову. Конечно, не то обстоятельство, что сама Мариночка колдовала надъ ней, перепугало на-смерть княгиню, а мысль, что изъ всего этого будетъ: огласится дѣло, бѣдную Мариночку тоже возьмутъ подъ стражу, а князя нѣтъ.

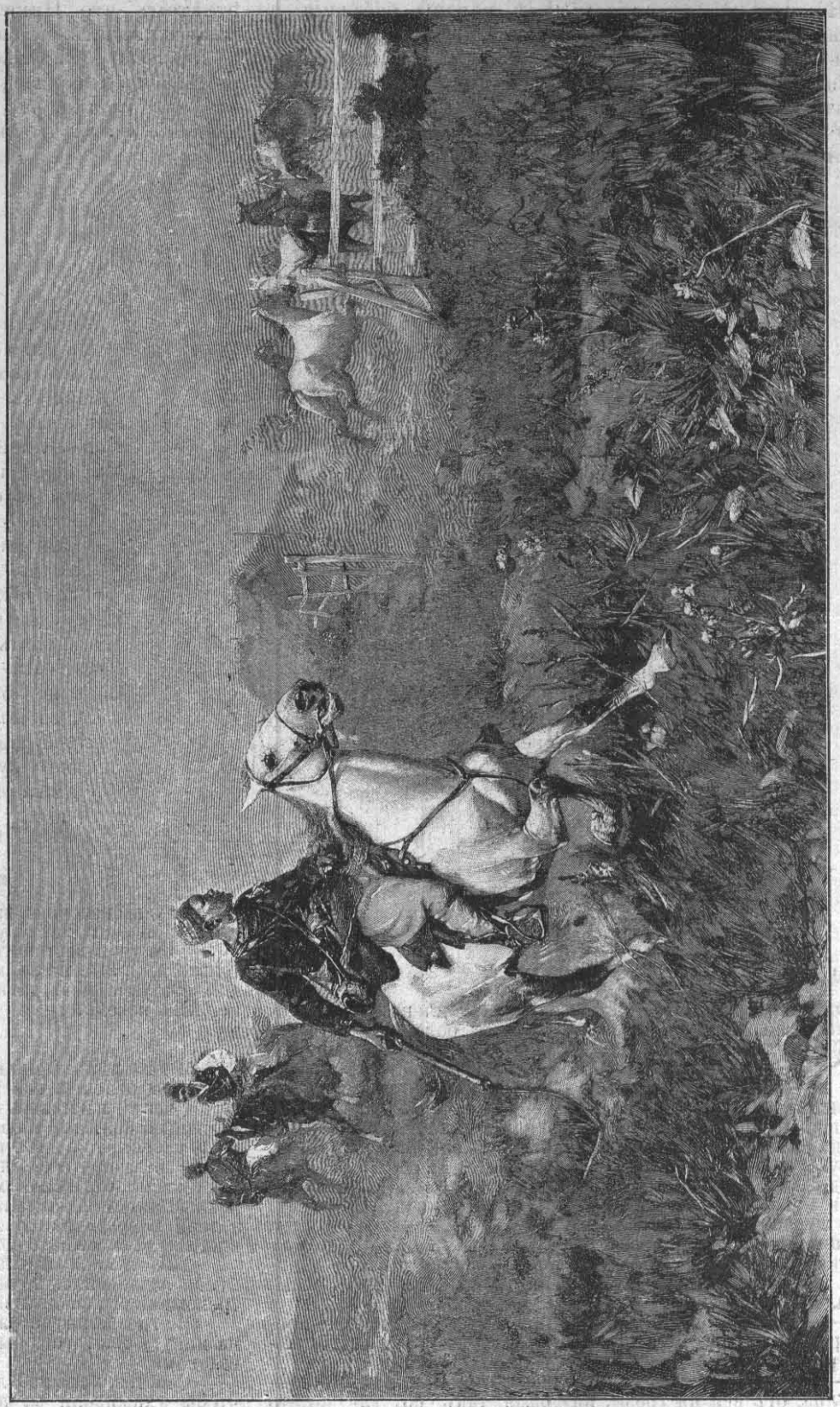
— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — начала кричать княгиня чуть не на весь домъ.

Во всякомъ случаѣ, она кричала настолько громко, что Лисафа Давыдовна, бывшая за три комнаты, услыхала и опрометью бросилась къ барынѣ.

Едва она вбѣжала и остановилась въ изумленіи предъ княгиней и Мариночкой, какъ первая, не имѣя силы сказать ни одного слова, такъ какъ задыхалась, замахала на нее руками. Но въ то-же мгновеніе молодая дѣвушка бросилась къ Лисафѣ и такъ-же обхватила ее руками и такъ-же повисла на ней, какъ ранѣе на княгинѣ, и заговорила тѣми-же словами:

— Я, Лисафа Давыдовна, я колдовала, я одна!

И если княгиня была поражена признаніемъ дѣвушки, то Лисафа Давыдовна тоже поблѣднѣла, какъ



ВЪ СТЕПИ. Съ картины З. Айдукевича.

снѣгъ, и едва устояла на ногахъ. Умная женщина поняла тотчасъ, какой оборотъ принимаетъ все дѣло.

Наконецъ, обѣ женщины, нѣсколько успокоившись, обсудили дѣло болѣе толково и рѣшили, какъ быть. Нужно все держать въ тайнѣ, ни одной душѣ не

сказывать въ ожиданіи пріѣзда князя, а тамъ видно будетъ, что дѣлать.

Мариночка, переставшая плакать, но только сильно блѣдная, выслушала рѣшеніе княгини и ея любимицы и вскрикнула:

— Ни за что! Мамушку замучаютъ, надо скорѣе!

Но затѣмъ, выслушавъ всѣ доводы бабушки и Лисафы, Мариночка глубоко задумалась, сморщила свои тонкія, красивыя брови и послѣ долгаго молчанія отвѣтила, что согласна на все и будетъ повиноваться.

Уйдя къ себѣ, Мариночка позвала свою любимую горничную, которая, со своей стороны, обожала барышню, и приказала ей разузнать, вернулся-ли Никита Григорьевичъ домой, и если вернулся, то попросить его тайкомъ быть въ саду на самомъ берегу рѣки, когда совершенно стемнѣетъ, а княгиня будетъ ложиться спать.

Горничная сбѣгала и вернулась къ барышнѣ съ отвѣтомъ, что Никита Григорьевичъ дома, но приказалъ сказать, что ни за что не пойдетъ на такое худое дѣло — видѣться съ барышней тайкомъ вечеромъ. Онъ говоритъ, что пойдетъ для барышни на все, что угодно, что она ни прикажетъ, но на такое свиданіе ни за что не пойдетъ.

(Продолженіе будетъ.)

Русалки.

(Народное повѣрье.)

Ночь. Туманъ ползетъ изъ балки.
Въ небѣ блещутъ огоньки.
Синеокія русалки
Вышли съ плескомъ изъ рѣки.
Наготой, улыбкой томной
Соблазняя и дразня,
Затѣваютъ въ рощѣ темной
Игры, полныя огня.
Гулъ повисъ надъ гладью водной,
Филинъ ухаетъ въ лѣскѣ...
Гулу пляски хороводной
Вторитъ эхо вдалекѣ.
Выше, выше все всплываетъ
Мѣсяцъ, озаряя даль...
Хоръ русалокъ распѣваетъ,
Въ пѣснѣ—слезы и печаль:
— «Мы отцовъ своихъ не знали,
Мы—грѣхъ тайный матерей,
Насъ проклятьемъ спеленали,
Въ воду бросили скорѣй.
Мягкій илъ намъ былъ постелью
Въ тихой зав ди рѣчной,
Были волны колыбелью,
Нян кой—старый водяной.
Какъ въ темницѣ безъ оконца,
Подъ водой, средь рыбъ нѣмыхъ,
Мы взросли, не видя солнца,
Чужды радостей земныхъ.
Скучно, красотой блистая,
Одинокими намъ жить...
Что намъ юность золотая,
Если некого любить?
Наши дни безцѣльно длятся...
Какъ убить ихъ, скоротать?
Люди насъ—увы!—боятся,
Богъ не хочетъ принимать...
Э, да полно намъ, сестрицы,
На судьбу роптать, людей...
Скоро лучъ блеснетъ ленницы—
Смѣйтесь, пойте веселѣй!..»

Евг. Богославскій.

Зарница.

(Легенда.)

Петра Агриппинина.

Небольшая группа охотниковъ, утомленныхъ долгой ходьбой по топкимъ, кочковатымъ болотамъ, расположилась ночевать на опушкѣ лѣса. Теплая лѣтняя ночь обѣщала здоровый, крѣпкій сонъ, и потому никому не хотѣлось возвращаться въ усадьбу. Хозяинъ охоты, помѣщикъ Яхонтовъ, послалъ лѣсника въ имѣніе за закуской и теперь, нетерпѣливо потирая руки, посматривалъ на дорогу, откуда долженъ былъ возвратиться посланный. Гости сидѣли вокругъ костра; кто чистилъ свое ружье, кто приготовлялъ заряды на завтрашній день, а кто просто такъ сидѣлъ и любовался красотою наступившей ночи. Внизу, подъ обрывомъ, тихо журчалъ невидимый ручеекъ; гдѣ-то далеко покрикивалъ дергачъ; время отъ времени доносилось ржаніе пасущихся за ручейкомъ лошадей. Была перемѣна луны; на темномъ фонѣ неба лишь мигали ярко блестѣвшія звѣзды да изрѣдка вспыхивала молнія.

— А, должно быть, ночью будетъ порядочная гроза,—проговорилъ молодой земскій врачъ Болотовъ, съ тревогою посматривая въ сторону молніи,—вымочитъ изрядно.

— Нѣтъ-съ, не безпокойтесь,—отвѣтилъ Яхонтовъ,—это—зарница, отъ нея ни грозы, ни дождя; такъ себѣ для чего-то помелькаетъ, помелькаетъ и перестанетъ.

— Точно красивый, но безплодный цвѣтокъ,—улыбаясь, добавилъ мировой судья Булычевъ,—съ вида-то хороша, а толка мало. Когда я вижу ее, мнѣ вспоминается слышанная въ Крыму легенда; въ ней зарница олицетворяется покинутой, забытой красавицею.

— Разскажите намъ, Николай Петровичъ,—попросили его охотники,—такая ночь, какъ сегодня, располагаетъ слушать что-нибудь сказочное, да и время пройдетъ незамѣтнѣе, пока Егоръ привезетъ закуску.

— Съ удовольствіемъ, господа,—отвѣтилъ Булычевъ,—но только я, право, не знаю, справлюсь-ли съ разсказомъ; слышалъ-то ужъ очень давно, пожалуй, перепутаю. Ну, да, была не была, извольте.

* * *

«Много лѣтъ тому назадъ, когда сочныя травы, словно сплошной зеленый коверъ, покрывали привольныя крымскія степи, когда, извиваясь блестящею змѣей, тихо струился полноводный Салгиръ, любовно лаская въ себѣ прозрачную синеву небесъ,—на цвѣтущемъ берегу глубокаго Чернаго моря, подъ тѣнью благоухающихъ кипарисовъ стоялъ богатый аулъ. Чистенькія, бѣленькія мазанки, будто дорогіе опалы, вставленные въ темную малахитовую оправу, нѣжно утопали въ зелени виноградниковъ, отливаясь перламутромъ въ дрожащихъ лучахъ южнаго солнца.

«Тихо и мирно текла жизнь въ аулѣ; веселыя, радостныя пѣсни раздавались по вечерамъ въ немъ и никакія заботы не тревожили его счастливыхъ жителей.

«Но грозная туча уже приближалась къ нимъ; съ минуты на минуту она готова была разразиться надъ ихъ безпечными головами.

«Счастье, какъ избалованная свѣтская красавица, любитъ, чтобы ухаживали за нимъ. Сытые-же, довольные люди не умѣли дорожить своимъ благополучіемъ; они забыли великаго Аллаха, забыли и славнаго пророка Его.

«И вотъ, свершилось—роковой день возмездія наступилъ... Солнечные лучи вдругъ разомъ сожгли зеленую степь, повысушили прозрачныя воды Салгира; не стало вкуснаго корма, что въ такомъ изобиліи находили себѣ многочисленныя стада овецъ; не стало прохладнаго источника, гдѣ-бы могли онѣ утолить свою жажду.

«Охваченные страхомъ жители долго не могли придумать, чѣмъ-бы спасти отъ неминуемой гибели овецъ, и, наконецъ, рѣшили отослать ихъ на сѣверъ, гдѣ, по словамъ опытнаго, умудреннаго годами старика Искандера, расли огромные дубовые лѣса, полные сочныхъ и вкусныхъ травъ.

«Тотчасъ-же собрались на площадь, вызвали желающихъ, но никто не отваживался отправиться со стадомъ, такъ какъ рощи находились далеко, да и прожить въ нихъ нужно было цѣлое лѣто, пока не настанетъ время стричь овецъ. Согласился идти только одинъ молодой пастухъ Асфендіаръ. Захвативъ съ собою запасъ кукурузныхъ лепешекъ, напутствуемый пожеланіями благополучнаго возвращенія, онъ смѣло пошелъ въ невѣдомый лѣсъ»...

* * *

Мировой судья прервалъ разсказъ, досталъ портсигаръ, вынулъ папироску и, взявъ изъ костра горящую вѣточку, закурилъ и оглядѣлся кругомъ.

Темное небо стало еще темнѣе. Улыбающіяся, блестящія звѣзды, казалось, внимали разсказываемой Булычевымъ исторіи и, свѣшиваясь внизъ, съ недоумѣньемъ поглядывали на группу охотниковъ, освѣщенную краснымъ весело прыгающимъ огонькомъ костра. Вдругъ одна изъ любопытныхъ звѣздъ какъ-то безпомощно затрепетала, завертѣлась, затѣмъ, не удержавшись, сорвалась и, описавъ на черномъ фонѣ неба яркую полоску, безслѣдно скрылась въ теряющейся темной дали. Ручеекъ все такъ-же тянулъ свою однообразную, журчащую мелодію; безмолвная зарница попрежнему вспыхивала на горизонтѣ.

* * *

«Долго странствовалъ Асфендіаръ, — началъ вновь свой разсказъ Булычевъ, — много мѣстъ перемѣнилъ онъ и все больше углублялся въ тѣнистый лѣсъ. Однажды, это было уже въ концѣ лѣта, стадо расположилось на отдыхъ возлѣ огромнаго поросшаго зеленоватымъ мхомъ камня, который, точно занесенный сюда сказочнымъ великаномъ, одиноко торчалъ среди царства старыхъ деревьевъ.

«Нѣжная, бархатная ночь, словно сброшенное незримой рукой густое, пушистое покрывало, тихо опустилась на утомленную землю, зацѣпилась и повисла черными хлопьями на тонкихъ вѣткахъ могучихъ дубовъ, чарующимъ сномъ заботливо окутала кудрявые кустарники и лѣниво раскинулась на серебрящейся отъ хрустальной росы зелени благоухающихъ травъ. Заснули усталыя деревья; закачались и поникли подъ хлопьями ночи гибкія вѣтви. Словно навѣваемый душистымъ опахаломъ, мягкій вѣтерокъ лѣниво касался уснувшей природы; тихо, тихо стало въ лѣсу; одни неугомонные листочки еще продолжали шептаться и разсказывать что-то другъ другу да изрѣдка раздавался шумъ чего-то испугавшейся и перелетавшей на другую вѣтку птицы. Дрожащая отъ любопытства нескромная луна, торопливо и безшумно раздвигая густую листву, пристально заглядывала въ темную чащу, какъ-бы стараясь разгадать и подслушать, о чемъ такъ таинственно шептались лукавые листочки.

«Неподвижно сидѣлъ Асфендіаръ, прислонясь къ угрюмому камню, молчаливо внималъ загадочному шепоту и ему начинало казаться, что то — не бездушныя деревья, а какія-то полныя таинственности, сказочныя существа окружаютъ его...

«Но — чу! — какой-то глухой, подавленный стукъ раздался за спиной Асфендіара. Быть можетъ, то вдалекѣ хрустнула сухая вѣтка подъ ногами неосторожнаго «косого» или просто почудилось разстроенному воображенію...

«Еще повторился стукъ, на этотъ разъ ближе и внятнѣе.

«„Должно быть, свалился жолудь», — подумалъ пастухъ и снова погрузился въ свои мечты.

«Ему вспомнились далекое дѣтство, тѣ сказки, что разсказывала старушка-мать; въ памяти вставали образы хохотушекъ, проказницъ русалокъ и ревниво оберегающихъ ихъ злыхъ волшебниковъ...

«Но вотъ въ третій разъ послышался стукъ и — о, чудо! — слегка всколыхнулась земля, огромный камень покачнулся, затѣмъ быстро опрокинулся назадъ, распался надвое и въ глубинѣ широкой каменной расщелины оказалась стройная, красивая дѣва.

«Громче зашелестѣли листочки, затрепетали старыя деревья, радостно протянули они свои проснувшіяся вѣтви, стараясь коснуться волшебнаго видѣнья. Игривый вѣтерокъ, нѣжно лаская, любовно порхалъ вокругъ, навѣвая на нее тонкій ароматъ ночныхъ фіалокъ.

«Едва касаясь земли, придерживая лѣвою рукою одежду у груди и простирая правую впередъ, волшебная дѣва вышла изъ мрачной расщелины. Густые темные волосы, волнистыми прядями спадая до самыхъ ногъ, терялись въ гибкихъ складкахъ ея легкой прозрачной одежды, оттѣняя бѣлизну задумчиваго лица. Большіе блестящіе глаза, словно сверкающія въ ночной темнотѣ яркія искры, грустно смотрѣли на изумленнаго Асфендіара.

«— Не бойся, — проговорила волшебная дѣва, — я не сдѣлаю тебѣ никакого зла. Зовутъ меня Зарницей и такъ-же, какъ теперь ты, я жила когда-то на свободѣ. Весело и беззаботно протекали дни; ни одно облачко не омрачало безмятежной радости, но злой волшебникъ похитилъ и засадилъ меня въ мрачное подземелье, наваливъ на него этотъ огромный, тяжелый камень. Много лѣтъ сижу я здѣсь, много лѣтъ не видала привѣтливаго солнца и только, когда темная ночь окутываетъ тѣнистый лѣсъ, выхожу изъ своей душной темницы, не смѣя далеко отойти отъ нея, такъ какъ злой старикъ стережетъ меня. Лишь въ своихъ мысляхъ быстрою молніей уношусь я къ далекой цвѣтущей родинѣ, поджидая, пока придетъ смертный, чтобы освободить меня отъ чаръ ненавистнаго злодѣя. О, молю тебя, спаси и вырви меня! Взгляни, развѣ не стою я твоей любви, не стою жертвы? — при этомъ она подвинулась впередъ и ласково протянула свои нѣжныя, словно атласныя, руки.

«Не испугался Асфендіаръ, нѣтъ, онъ жадно смотрѣлъ на прекрасную дѣву и въ этотъ моментъ забылъ родной аулъ, забылъ своихъ овецъ, мирно дремавшихъ у его ногъ; онъ видѣлъ одну ее, прелестную Зарницу, сердце, словно запутавшаяся въ тенетахъ рыбка, безпомощно билось и трепетало въ груди, легкая дрожь неяснаго сладостнаго чувства мелкою рябью холодной волны пробѣгала по его молодому тѣлу. Быстро вскочилъ пастухъ, бросился къ волшебной красавицѣ, но та повелительнымъ жестомъ руки остановила его.

«— Не тронь! — строго проговорила она, — иначе погубишь меня навѣки. Много еще испытаній долженъ выдержать ты, пока получишь возможность овладѣть мною.

«— Но что нужно для этого? говори скорѣе, не томи меня! — нетерпѣливо спросилъ Асфендіаръ.

«— О, это не такъ легко и быстро, — печально произнесла Зарница: — только тогда ты можешь спасти меня, когда ровно черезъ годъ въ этотъ-же день и часъ снова придешь сюда...

«— Какъ? ждать цѣлый годъ? — испуганно перебилъ ее Асфендіаръ.

«— Да, одинъ только годъ. Что значитъ онъ въ сравненіи съ тѣми долгими, томительными годами, которые провела я здѣсь? Какъ лёгкое сновидѣнье, промчится онъ для меня въ ожиданіи тебя. А ты придешь, не правда-ли? Вѣдь, ты не забудешь меня? — нѣжно улыбаясь, спросила Зарница.

«— Клянусь, я буду здѣсь! — твердо проговорилъ пастухъ.

«— Не клянись, это не такъ легко, — снова повторила она: — тяжелы будутъ посланныя тебѣ испытанія и нужна большая воля, чтобы выдержать ихъ. Слушай! сейчасъ мы должны разстаться; запомни-же и избѣгай того, въ чемъ предостерегу я тебя. Завтра, предъ тѣмъ какъ ты погонишь свое стадо обратно въ аулъ, нарви спѣлыхъ жолудей и по дорогѣ разбрасывай ихъ. Затѣмъ на пути мучительный голодъ станетъ терзать тебя; ты увидишь красивое дерево, сочные плоды будутъ усыпать его вѣтви, но не соблазняйся, не ѣшь ихъ, сумѣй заранѣе предохранить себя отъ голода. Пройди мимо, а то... забудешь меня. Прощай! — и съ этимъ она скрылась въ темной расщелинѣ камня, который тотчасъ-же замкнулся за нею»...

* * *

— Ахъ, чертъ возьми, не удалось, значитъ, бѣднягѣ познакомиться красавицей, — прервалъ вдругъ разсказчика Яхонтовъ и, задорно подмигнувъ, расхохотался. — Ну, ну, что-же дальше? — нетерпѣливо спросилъ онъ.

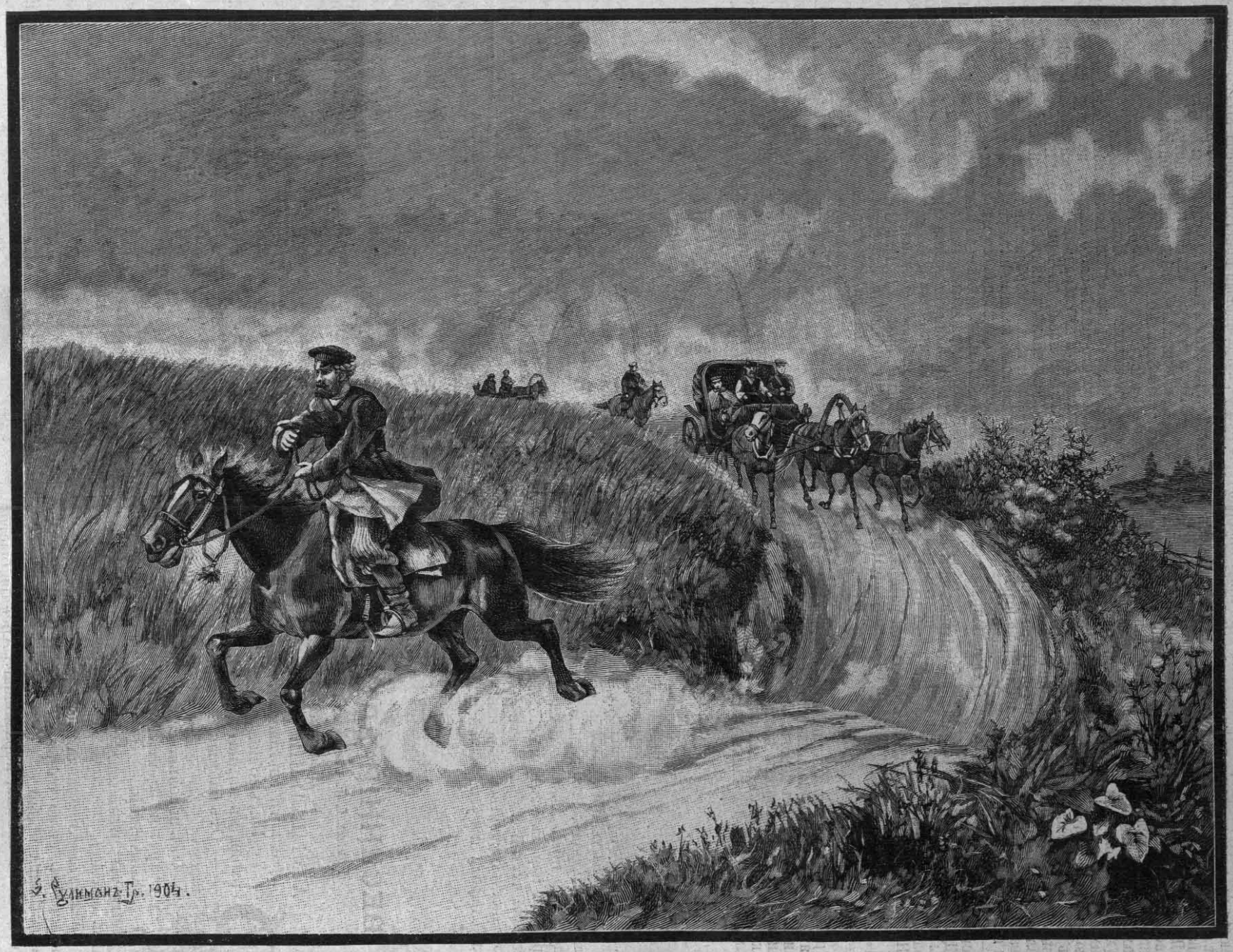
— А вотъ погодите — узнаете, — недовольный тѣмъ, что его перебили, отвѣтилъ Булычевъ.

* * *

«Давно уже шелъ Асфендіаръ по дремучему лѣсу, — немного помолчавъ, продолжалъ онъ, — все думалъ о прекрасной Зарницѣ и, помня ея завѣты, усердно разбрасывалъ жолуди, которые тутъ-же превращались въ стройныя деревца, отмѣчая путь къ завѣтному камню. Сочныя ягоды въ изобиліи расли въ лѣсу, представляя вкусную, питательную пищу, и, зная, что голодъ все-же долженъ когда-нибудь настичь его, пастухъ предъ выходомъ изъ лѣса набралъ въ освободившуюся отъ жолудей котомку ягодъ, думая тѣмъ предохранить себя отъ предстоящаго испытанія. Весело шелъ Асфендіаръ, глухая степь не страшила его: всего нѣсколько дней, и далекій путь будетъ оконченъ. Рѣдко останавливался онъ, спѣшилъ поскорѣе добраться къ родному аулу и въ тѣ минуты, когда ложился отдыхать, крѣпко держалъ въ рукахъ свою котомку. Только однажды присѣлъ Асфендіаръ, на одно мгновенье закрылъ отяжелѣвшія отъ степной пыли вѣки, но легкій толчекъ разбудилъ его. Словно ужаленный, вскочилъ пастухъ, быстро открылъ глаза и взглянулъ на котомку: предъ тѣмъ почти полная сочныхъ ягодъ, она лежала теперь у его ногъ совершенно пустая. Смутился сначала Асфендіаръ, незнакомая ему робость запала въ душу; затѣмъ, вспомнивъ, что еще все стадо имѣется къ его услугамъ, онъ снова весело и быстро зашагалъ впередъ.

«Однако, тяжелое испытаніе уже караулило бѣднаго пастуха. Безпечно идетъ онъ; мысли его бѣгутъ назадъ, къ волшебному лѣсу, къ далекой красавицѣ. Словно живая, встаетъ

ДАЧНОЕ НАШЕСТВІЕ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**



ОБЪѢЗДЪ ГУБЕРНІИ. Оригин. рис. **Э. Сулиманъ-Грузинскаго;** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

она предъ его глазами. Вдругъ голодъ разомъ далъ почувствовать себя. Увѣренно подходитъ Асфендіаръ къ своему стаду, надѣясь поймать и зарѣзать овцу, но, до сихъ поръ смирныя и ручныя, онѣ не даютъ приблизиться къ себѣ и пугливо разсыпаются въ разныя стороны. Разсерженный, онъ бѣжитъ за ними... вотъ-вотъ уже готовъ схватить, какъ намѣченная жертва снова ускользаетъ изъ-подъ рукъ.

«Долго мучился Асфендіаръ, совсѣмъ ослабѣлъ отъ безплодной погони за оробѣвшими овцами: ноги отказываются служить; кровь тяжелымъ молотомъ стучитъ въ воспаленныхъ вискахъ; сохнетъ во рту; запекшіяся губы хватаютъ степной воздухъ; но не холодная влага, а горячій песокъ осаждается на нихъ. Въ изнеможеніи опускается Асфендіаръ на черствую, сухую землю и вдругъ видитъ, что въ двухъ шагахъ, за небольшимъ холмикомъ, растетъ не замѣченное имъ ранѣе молодое деревцо. Изумрудные листья покрывали его отягченныя вѣтви, а спѣлые крупные плоды, словно дорогой прозрачный янтарь, отливаясь золотистою желтизною, шаловливо играли съ веселыми солнечными лучами.

«— Счастье! — прошепталъ пастухъ и, напрягая послѣднія усилія, поползъ къ дереву.

«Дрожащими руками нетерпѣливо срывалъ онъ сочные плоды и жадно поѣдалъ ихъ, чувствуя, какъ постепенно силы возвращаются къ нему.

«Но вотъ утоленъ голодъ; вотъ собрались разбѣжавшіяся овцы; Асфендіаръ снова зашагалъ и благополучно вернулся домой»...

* * *

При послѣднихъ словахъ мирового судьи въ лѣсу послышался топотъ копытъ. Дремавшія собаки насторожились, быстро вскочили и бросились къ дорогѣ, но, почуявъ, что ѣдетъ свой, улеглись на мѣсто. Вскорѣ къ костру подскакалъ Егоръ, осадилъ коня и, соскочивъ съ сѣдла, поставилъ предъ охотниками корзину съ закуской. Охотники уже не слушали продолженія разсказа; какъ голодные волки, нападающіе на добычу, они набросились на «согрѣвательное» и закуску; самъ Булычевъ, казалось, забылъ о своей легендѣ—работали одни зубы и руки. И только, когда первый приступъ голода былъ утоленъ, Яхонтовъ, пережевывая большой кусокъ ветчины, очевидно, вспомнивъ о разсказѣ, невнятно спросилъ:

— Ну, а что-же вашъ этотъ пастухъ, какъ его Асфар... Асфан... натощакъ не выговоришь,—онъ такъ больше и не увидалъ своей Зарницы?

— Сейчасъ, сейчасъ,— отвѣтилъ Булычевъ и, вытирая носовымъ платкомъ губы, снова заговорилъ:

«Прошла короткая южная зима; наступило лѣто; уже давно была пора отправляться со стадомъ, но Асфендіаръ настрѣзъ отказался идти и, снарядивъ ладью и собравъ крѣпкія сѣти, поплылъ на ловлю въ Черное море. Ничто теперь не тянуло его въ дремучій лѣсъ, ничто не напоминало и о чудесномъ приключеніи, и только изрѣдка въ тихую темную ночь, когда далекая зарница, взлетая на черномъ небѣ, безнадежно глядѣла на Асфендіара, освѣщая его мѣрно раскачивающуюся на сонныхъ водахъ ладью, какое-то непонятное чувство охватывало его. Неясныя, расплывчатыя воспоминанія, словно обрывки тающихъ въ выси облачковъ, проносились въ его памяти, но Асфендіаръ такъ-таки и не могъ вспомнить ни прекрасной дѣвы, ни даннаго ей обѣщанія».

— Браво, браво, Николай Петровичъ, — заговорили охотники, когда Булычевъ кончилъ легенду, — спасибо, хорошо, очень даже хорошо разсказали, какъ по книжкѣ.

— Ну, ужъ... — возразилъ судья.

— Нѣтъ, ловко, чертъ возьми, право, ловко, спасибо, — перебилъ Яхонтовъ и, немного погодя, широко зѣвая, добавилъ: — а что, господа, не пора-ли на боковую? У насъ, въ деревнѣ, давно спятъ. Вѣдь, завтра того, рано вста-ава-ать.

— Да, пожалуй, — согласились охотники и, похваливая улыбающагося Булычева, стали устраиваться на ночлегъ.

КОНЕЦЪ.

Благодарность.

Лишь тотъ отъ народа «спасибо» услышитъ
И въ сердцѣ народномъ любовь обрѣтетъ,—
Кто любитъ народъ, его жизнію дышитъ
И радость съ нимъ дѣлитъ, и слезы съ нимъ льетъ;
Кто любитъ народъ нашъ не модной любовью,
А искренне-чистой и братски-святой,
Съ готовностью жертвовать жизнью и кровью
За благо народа и Руси родной;

Кто жаждетъ въ бездушное царство пристрастья
Метнуть животворныхъ началъ сѣмена,
Залить его свѣтомъ науки и счастья,
Какого не вѣдала мать-старина;
Кто къ правдѣ безсмертной всѣмъ сердцемъ стремился,
Вставалъ за свободу, за лучшій удѣлъ,
Кто сильнымъ земли никогда не молился
И, долгу покорный, насилье не пѣлъ!

Н. И. Чирковъ.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

Размышленія князя были прерваны веселымъ возгласомъ Кончетты.

— Письмо получилъ?—вскрикнула она, входя въ комнату, — отъ кого?

— Отъ бабушки,—почему-то улыбнулся князь.

Онъ невольно сопоставилъ упоминаемое старухою электричество съ живою, бойкою Кончеттой.

— Чему ты смѣешься?

Князь сказалъ.

— Развѣ это — неправда? развѣ во мнѣ мало его?— засмѣялась, въ свою очередь, итальянка, — твоя бабушка замѣтила вѣрно.

Впечатлѣніе письма, поразившаго Арсенія, быстро испарилось; онъ снова весь отдался обаянію женской ласки, жизнерадостности существа, такъ случайно имъ овладѣвшаго.

До сихъ поръ онъ никогда не водилъ за табльдотъ свою подругу: его стѣсняло корректное общество постояльцевъ, обѣдающихъ въ отелѣ. Сегодня-же, безъ всякой просьбы со стороны итальянки, онъ предложилъ ей спуститься вмѣстѣ съ нимъ въ общій залъ.

Перспектива обѣдать рядомъ съ важными господами увлекла эту дочь народа.

— Браво, браво,—радостно воскликнула она и, схвативъ князя за плечи, завертѣла его по комнатѣ.

— Сумасшедшая! — улыбнулся послѣдній.

Скоро зазвонилъ колоколъ, и они спустились въ обѣденный залъ.

— Моя кузина, — представилъ Арсеній Кончетту маркизу ди Рибейра и, чтобы скрыть свое невольное смущеніе, отвернулся.

Испанецъ, прекрасно знавшій всю подкладку княжескаго романа, галантно раскланялся съ дѣвушкой.

— Какая красавица ваша кузина!—не могъ удержаться онъ, чтобы не выразить своего восхищенія.

Кончетта чувствовала себя вполнѣ счастливою.

XIV.

„Дворецъ труда“ уже кипѣлъ народомъ, когда въ него вошелъ Гостомыжскій. Группы рабочихъ, собравшіеся въ разныхъ концахъ зала, оживленно разговаривали, все гудѣло, точно пчелиный рой. Между ними сновали представители различныхъ рабо-

чихъ союзовъ и, подойдя къ той или другой группѣ, жестикулируя, объясняли положеніе вопроса лицамъ, плохо съ нимъ ознакомленнымъ.

— Намъ нужно только твердо сплотиться и не уступать ни на іоту въ нашихъ требованіяхъ, — рѣшительнымъ тономъ пояснялъ маленькаго роста рыжеватый субъектъ, одинъ изъ главныхъ руководителей союза.

— Не уступать! — съ усмѣшкой замѣтилъ на это сѣдой рабочій съ подвязаннымъ лѣвымъ глазомъ,— легко это сказать: не уступать! А кто будетъ кормить наши семьи, если заводчики не согласятся на наши условія?

Рыжеватый быстро обернулся къ старику и увѣреннымъ тономъ сказалъ:

— Объ этомъ, Лешарпъ, не заботься, денегъ у союза пока хватитъ!

— Ну, сомнѣваюсь, чтобы хватило! — насмѣшливо вмѣшался высокій, весь высохшій, суконщикъ изъ Вервье, явившійся въ Брюссель за новыми инструкціями въ числѣ другихъ делегатовъ отъ участвовавшихъ въ общей стачкѣ рабочихъ въ этомъ городѣ.— Вотъ уже пять дней, какъ союзъ пріостановилъ намъ выдачу пайковъ.

— Выдастъ, выдастъ! — закричалъ тотъ-же рыжій представитель, но не докончилъ своей фразы и быстро помчался къ каѳедрѣ, на которую уже всходилъ одинъ изъ видныхъ членовъ рабочаго союза.

Послышался рѣзкій звонокъ. Все стихло, рабочіе приготовились слушать.

— Собратья, члены союза!—твердо произнесъ ораторъ, моложавый брюнетъ, лѣтъ тридцати, тряхнувъ головой, украшенной длинными курчавыми волосами. — Мы собрались сегодня съ цѣлью выслушать делегатовъ изъ Шарльруа и Вервье.

— Слушайте, слушайте!—пробѣжало по залу легкою волною.

— Намъ нужно рѣшить сегодня, какія мѣры принять относительно стачекъ. Я отъ имени союза долженъ васъ предупредить, что нашъ капиталъ значительно сократился въ послѣднее время.

— Что я говорилъ? — торжествующе прошепталъ суконщикъ случайно находившемуся рядомъ съ нимъ князю,— у нихъ совсѣмъ денегъ нѣтъ.

— Оказывать поддержку семьямъ стачниковъ, какъ до сихъ поръ, мы не въ состояніи. Выслушайте, собратья, делегатовъ, а потомъ сообща обсудимъ, что дѣлать.

Среди собравшихся послышались недовольные голоса, кое-гдѣ завязался споръ.

— Коли денегъ нѣтъ, не надо было обнадеживать раньше!—громко крикнулъ кто-то.

Князю Гостомыжскому казалось, что онъ узналъ голосъ слесаря.

— Стачки слишкомъ затянулись...— оправдывался кто-то изъ главарей неувѣреннымъ голосомъ.

— А вы думали, что хозяева сейчасъ-же и на соглашеніе пойдутъ? — насмѣшливо вставилъ старикъ съ подвязаннымъ глазомъ.

Предсѣдатель замѣтилъ это и, снова позвонивъ въ колокольчикъ, сказалъ:

— Вотъ Ванъ деръ Гинстъ, староста суконщиковъ изъ Вервье, онъ будетъ говорить.

На каѳедрѣ предсѣдателя смѣнилъ маленькаго роста полный старикъ. Онъ неуклюже поклонился собранію и слегка носовымъ звукомъ проговорилъ:

— Держаться дольше намъ невозможно. Жить нечѣмъ, семьи наши голодаютъ, союзъ не помогаетъ, на трехъ фабрикахъ рабочіе уже начали ткать, мы еще держимся, но...

— Подлые трусы! эгоисты!—раздались негодующіе голоса со стороны стекольщиковъ изъ Шарльруа, — а мы забастовали, и ни одна живая душа не возьмется за трубку и не подойдетъ къ печи, пока наши условія не будутъ приняты хозяевами.

— Вотъ чудеса-то разсказываютъ! — завопили суконщики,—вѣдь, у нихъ каждая семья получаетъ еженедѣльно сорокъ франковъ поддержки отъ американцевъ, легко тогда не согласиться.

— Продали наши интересы Америкѣ, что имъ теперь до другихъ!—злобно ворчали ткачи,—имъ дали, а намъ не даютъ.

Ссора разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Напрасно курчавый предсѣдатель звонилъ, его никто не слушался. Раздались свистки, дѣло готово было перейти къ свалкѣ.

— Хитры американцы! имъ невыгодно было, чтобы бельгійское стекло шло къ нимъ и вредило мѣстному производству, ну, они охотно и помогаютъ стачкѣ,— вся конкурренція и убита этимъ фокусомъ! — замѣтилъ тотъ-же суконщикъ князю.

— А вамъ развѣ американцы не помогаютъ? — спросилъ Арсеній сосѣда.

— Для нихъ это не имѣетъ смысла: американское сукно лучше нашего и, пожалуй, не дороже; оно не вредитъ ихъ фабрикамъ, да его и не вывозятъ туда.

На каѳедрѣ появился знакомый Гостомыжскому слесарь. Ударивъ кулакомъ по пюпитру, онъ лучше колокольчика сумѣлъ заставить его слушать.

— Мы собрались сюда обсудить положеніе дѣла, а, вмѣсто того, начали спорить. Лучше, я думаю, сдѣлаемте такъ: кто за продолженіе стачекъ, пусть подниметъ руку, кто за ихъ прекращеніе—пусть сядетъ.

Надъ толпою въ лѣвомъ углу зала выросъ рой рукъ, на правой-же сторонѣ оказались все сидящіе. Стекольщики стояли за продолженіе, суконщики-же, уставшіе отъ произвольной безработицы, ждали разрѣшенія приняться за работу.

— Судя по всему,— продолжалъ ораторъ, — тѣхъ и другихъ поровну. Мнѣ кажется, что нельзя запретить суконщикамъ взяться за работу.

— Они не должны работать, это не честно!—волновались стекольщики.

Снова на каѳедрѣ появился предсѣдатель; онъ энергично махнулъ своей шевелюрой и рѣшительно произнесъ:

— Намъ сообщили, что стеклянозаводчики рѣшили выписать рабочихъ изъ Германіи и нѣсколько партій уже ѣдутъ.

Задоръ стекольщиковъ началъ упадать; извѣстіе было черезчуръ важно, американская помощь больше не манила.

— Это скверно! — угрюмо замѣтилъ блондинъ, искусный выдувальщикъ, изъ Шарльруа.

Снова начались совѣщанія въ отдѣльныхъ группахъ, слышались недовольныя восклицанія; мнѣнія раздѣлились.

— Можетъ быть, этотъ слухъ нарочно пустили наши хозяева, — скептически замѣтилъ одинъ изъ стекольщиковъ.

Этого замѣчанія было достаточно, чтобы легковѣрная толпа ему повѣрила; почти согласившіеся прекратить стачку стекольщики снова запѣли старое, и соглашеніе не состоялось. Суконщики рѣшили приняться за работу, но въ Шарльруа стачка не прекратилась.

Арсеній съ интересомъ присутствовалъ на собраніи, но сказать что-либо онъ не могъ, будучи плохо знакомъ съ условіями рабочаго вопроса въ странѣ.

Не дождавшись окончанія споровъ, онъ ушелъ изъ „Дворца труда“.

XV.

Наконецъ, Арсеній собрался написать нѣсколько строкъ Анфисѣ Матвѣевнѣ. Правдивая натура его страдала, когда онъ писалъ письмо; сказать правду бабушкѣ онъ, изъ какого-то ложнаго стыда и не желая безпокоить старушку, не рѣшался, а ограничился только довольно туманными фразами о массѣ дѣла и обѣщаніемъ написать ей на-дняхъ болѣе пространно и подробно.

— Кончетта, тебя ничто не привязываетъ къ Брюсселю?—нервно спросилъ князь, запечатавъ письмо.

Лицо дѣвушки изобразило невольное изумленіе.

— Отецъ...

— Не считая его?—перебилъ ее Арсеній.

Кончетта отрицательно кивнула головой.

— Въ такомъ случаѣ собирайся: мы ѣдемъ завтра съ тобой въ Парижъ!

Итальянка всплеснула руками.

— Въ Парижъ? Это — правда, ты не шутишь, Арси?

Въ послѣднее время она стала называть его этимъ именемъ.

— Мы ѣдемъ завтра, въ восемь утра.

Кончетта была довольна; она давно стремилась въ столицу Франціи, даже намекала не разъ о своемъ желаніи князю, но онъ, переполненный своею любовью, не обратилъ на это вниманія.

„Надо только сообщить объ этомъ отцу“,—мелькнуло въ головѣ дѣвушки.

Въ тотъ-же день она сбѣгала къ нему.

— Денегъ принесла мнѣ, что-ли? — неласково встрѣтилъ ее шарманщикъ.

— Нѣтъ, отецъ, я пришла сказать тебѣ, что мы ѣдемъ въ Парижъ.

Старикъ изумленно посмотрѣлъ на дочь и даже, противъ обыкновенія, пересталъ вертѣть ручку піанино.

— Ты бѣжишь отъ отца?

— Что ты, что ты! развѣ я—плохая дочь?

— Ты поклянись мнѣ, что не бросишь старика.

Кончетта вынула изъ-за корсажа образокъ и, набожно сложивъ руки, поклялась отцу.

— Хорошо, я вѣрю, но, прежде чѣмъ ѣхать, зайди въ церковь.

Распростившись съ отцомъ, молодая дѣвушка, дѣйствительно, зашла въ соборъ Св. Гудуллы.

Католики посвящаютъ май мѣсяцъ Св. Дѣвѣ, а потому статуя Ея вся утопала въ цвѣтахъ, покатою горкой спускавшихся до пола. Среди роскошныхъ азалій, розъ, тюльпановъ, золотыми звѣздами сіяли огоньки восковыхъ свѣчъ, симметрично разставленныхъ въ высокихъ золоченыхъ подсвѣчникахъ. Ѳиміамъ тонкой струей вился изъ кадильницъ, торжественная мелодія органа лилась съ хоръ, когда Кончетта переступила порогъ храма и, омочивъ руку въ святой водѣ у входа, опустилась колѣнами на соломенное сидѣнье. Вечерня приближалась къ концу, невидимый хоръ пѣлъ псалмы. Дѣвушка, набожно опустивъ голову, стала молиться.

Она молилась о томъ, чтобы побольше получить денегъ отъ русскаго, чтобы отецъ былъ здоровъ и вѣрилъ ея обѣщанію не оставлять его. Затѣмъ ея молитва приняла болѣе частный характеръ,—невѣжественная, малообразованная итальянка упоминала въ своей молитвѣ о каждой мелочи: чтобы она не подурнѣла, чтобы у нея были красивые наряды, чтобы въ Парижѣ побольше веселилась и т. п. Окончивъ молитву, она перебрала въ своемъ умѣ, не забыла-ли еще какой-нибудь просьбы или желанія, и затѣмъ, успокоившись, что все сказала, значительно произнесла „аминь“ и съ облегченнымъ сердцемъ, легкою походкою, вышла изъ храма.

— Гдѣ ты была?—ревниво спросилъ ее Арсеній.

Кончетта пожала плечами.

— Должна-же я была проститься съ отцомъ, если завтра уѣзжаемъ.

Князь удовлетворился ея отвѣтомъ, но все-таки счелъ нужнымъ объяснить свой вопросъ:

— Я такъ боюсь потерять тебя, что каждое твое отсутствіе заставляетъ меня страдать.

Итальянка довольно улыбнулась.

— Нѣтъ, мой дорогой, я тебя очень люблю, — прошептала она, смотря ему прямо въ глаза.

Въ эту минуту она, дѣйствительно, его любила: ее покорило то искреннее чувство, которое питалъ къ ней князь.

XVI.

На другое утро они уѣхали въ Парижъ.

Небольшое разстояніе между обѣими столицами они проѣхали очень скоро и въ полдень уже завтракали въ Парижѣ.

Жизнь въ гостиницѣ утомила Арсенія, и потому онъ рѣшился остановиться пока въ меблированныхъ комнатахъ, а затѣмъ снять отдѣльную квартиру. Свое предположеніе онъ сообщилъ Кончеттѣ, и та также его одобрила.

— Точно, въ самомъ дѣлѣ, мы недавно повѣнчались!—пошутила она.

Князю не разъ приходила въ голову мысль обвѣнчаться съ Кончеттой, но онъ быстро оставлялъ это намѣреніе.

Первымъ препятствіемъ для исполненія его являлась неувѣренность въ томъ, какъ старая Ухина посмотритъ на этотъ бракъ; затѣмъ, несмотря на страстную любовь къ этой дѣвушкѣ, князь замѣчалъ крупные недостатки въ ея воспитаніи, не говоря уже объ образованіи, котораго совсѣмъ не было...

И проэктъ брака откладывался въ дальній ящикъ.

Меблированныя комнаты, куда они случайно попали, находились въ Клиши на улицѣ Вентимиль Двѣ небольшія комнаты были уже тѣмъ удобны, что не слышно было постоянныхъ электрическихъ звонковъ, какъ въ отелѣ, не появлялись фигуры лакеевъ съ ихъ подобострастными лицами и мягкими, не производящими шума ботинками.

Кончетта тоже была рада устроиться не въ гостиницѣ, и своеобразное сожительство русскаго князя съ итальянкой-крестьянкой продолжалось.

Хитрый провансалецъ Дурайроли, хозяинъ комнатъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и быстро вошелъ въ довѣріе къ итальянкѣ, чему не мало способствовало провансальское нарѣчіе, имѣющее много общаго съ итальянскимъ языкомъ юга. Все время, когда Арсенія не было дома, Кончетта проводила внизу, въ комнатѣ хозяевъ, гдѣ Коллета, жена Дурайроля, учила ее стряпать различныя кушанья и преподавала ей совѣты.

Обѣдали они гдѣ-нибудь въ ресторанѣ на бульварѣ; иногда уѣзжали за городъ, въ Пасси, въ Фонтенбло, въ Версаль и тамъ проводили день.

Князь пристрастился къ осмотру музеевъ и картинныхъ галлерей. Въ началѣ также и Кончетта интересовалась ими, но скоро этотъ интересъ у нея исчезъ. Тѣмъ не менѣе, Арсеній бралъ ее повсюду съ собою; но однажды, осматривая Лувръ, онъ на минуту оставилъ ее одну на диванѣ въ одной изъ залъ и, вернувшись обратно, нашелъ ее мирно спавшею. Съ тѣхъ поръ Кончетта оставалась дома, когда Арсеній отправлялся въ галлереи.

Въ японскомъ плѣну. ПАНИХИДА ПО СКОНЧАВШИМСЯ ТОВАРИЩАМЪ.
Оригин. рисун. **П. Никитина.**

Однако, выказывая подобное невниманіе къ памятникамъ искусства, итальянка никогда не была прочь идти смотрѣть выставленные костюмы, вещи и прочіе товары въ гигантскихъ магазинахъ Парижа въ родѣ „Printemps“, „Лувра“ и др.

Каждый вечеръ они были въ театрѣ. Преимущественно это были небольшія сцены бульваровъ и предмѣстій или кафешантаны. Въ Большой оперѣ или Французской Комедіи Кончетта зѣвала, въ различныхъ-же казино и кафешантанахъ она чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ. Въ особенности ей льстило, что ея стройная фигура и хорошенькое личико привлекаютъ на себя общее вниманіе.

Слѣдуя совѣтамъ хозяйки, итальянка сдѣлала себѣ нѣсколько костюмовъ, очень къ ней шедшихъ, тогда какъ носимые ею ранѣе, хотя и дорогіе, отличались далеко не высокимъ вкусомъ.

Изъ простой крестьянки Парижъ началъ вырабатывать изящную женщину; рѣзкость, присущая всѣмъ итальянцамъ, стала у Кончетты исчезать. Даже Арсеній замѣтилъ происходившую въ ней перемѣну.

Онъ гордился своею красивою подругою, но все-таки невольно ревновалъ ее, когда замѣчалъ, что на нее обращаютъ вниманіе другіе мужчины.

Однажды Кончетта обратилась къ князю со слѣдующими словами:

— Арси, мнѣ сказала сегодня мадамъ Дурайроли, что недалеко отсюда находятся артистическіе кабаре*), въ которыхъ очень весело; пойдемъ туда.

— Отчего-же, я не прочь, пойдемъ.

Дѣвушка быстро собралась, и они отправились на бульваръ Монмартръ.

Кончетта весело смѣялась въ „Аду“, равно какъ и въ „Небѣ“, надъ довольно плоскими шутками третьестепенныхъ актеровъ, пріютившихся здѣсь, въ этихъ кабачкахъ, съ ихъ балаганными представленіями. Оптическіе фокусы съ зеркалами, всевозможныя замысловатыя превращенія больше нравились малоразвитой крестьянкѣ, чѣмъ театральныя представленія. Они напоминали знакомыя ей съ дѣтства дурачества пьеро, арлекина и прочихъ персонажей базарныхъ увеселеній. Напротивъ того, утонченному вкусу Арсенія весь этотъ грубый балаганъ былъ не по душѣ и онъ еле высидѣлъ до конца.

*) Кабачки.

— Какъ здѣсь забавно! — смѣясь до упаду, замѣтила дѣвушка, когда они вышли изъ кабачка.

— Я очень радъ, что тебѣ понравилось, теперь пойдемъ домой.

Кончетта недовольно на него взглянула.

— Какъ домой? а самое интересное мы и не видѣли.

Гостомыжскій чувствовалъ себя не въ силахъ противиться ея желанію и, хотя крайне неохотно, пошелъ со своею спутницею вдоль бульвара отъ залитаго электричествомъ „Неба“ къ еле мерцающему вдали тусклому зеленому фонарю, гдѣ помѣщался пресловутый „Неанъ“ (Neant).

XVII.

— Входите, входите, несчастные смертные! — встрѣтилъ новоприбывшихъ обычною фразою комедіантъ „Призрака“, когда тяжелая черная занавѣсь опустилась за княземъ и Кончеттой.

Въ полутемномъ помѣщеніи кабачка уже находилось нѣсколько любопытныхъ.

Присущая французамъ бравада, заигрываніе со смертью, этою хозяйкою будущаго, сказалась здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. По обѣимъ сторонамъ тѣсноватой комнаты были поставлены столы въ формѣ гробовъ съ отверстіями для высокихъ свѣчей. Вмѣсто абажуровъ, на электрическія лампочки были надѣты сдѣланные изъ молочнаго стекла черепа. Висящая посрединѣ люстра была сдѣлана изъ имитированныхъ человѣческихъ костей. На стѣнахъ находились картины-транспаранты.

Получалось какое-то непріятное ощущеніе профанаціи надъ неизбѣжнымъ актомъ природы. Самый свѣтъ тускловато горящаго электричества усиливалъ впечатлѣніе.

Арсенія непріятно поразила эта нелѣпая, шуточная обстановка, а недавно еще такая жизнерадостная Кончетта жалась къ князю; суевѣрной итальянкѣ, боявшейся смерти, было не по себѣ. Она готова была уйти изъ кабачка, то-же самое думалъ и Арсеній, но при первомъ его намѣреніи всѣ эти комедіанты-прислужники хоромъ проговорили:

— О, трусливый смертный, онъ не рѣшается взглянуть въ лицо будущаго.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Лѣтомъ въ лѣсу. (Къ рис. на стр. 737.) Кудрявыя березы, могучія сосны, стройныя ели и раскидистыя липы заблестѣли своей изумрудной зеленью. Узкая просѣка идетъ между деревьями, изрытая колеями, но все-же подернутая свѣжей травкой. Эта просѣка ведетъ куда-то далеко-далеко; кажется, нѣтъ конца этой дорогѣ среди зелени лѣса, лѣса лѣтняго, полнаго живительнымъ ароматомъ подъ знойнымъ синимъ небомъ. По дорогѣ тихо плетется лошадка. Не трудно ей везти легкую тележку, а трудно и не хочется выѣхать изъ этой прохлады которая такъ пріятно бодритъ и отъ которой не хочется уйти. А вдали все еще лѣсъ, такъ живительно вливающій въ грудь всю свою свѣжесть, всю прелесть чуднаго лѣтняго дня.

Шалости амуровъ. (Къ рис. на стр. 743.)

Словно буря непогоды,
Юность свѣтлая прошла,
Промелькнули быстро годы,—
Всѣ судьба ихъ унесла.
Есть чѣмъ вспомнить дни былые,
Дни любви, счастливыхъ грезъ,
Когда силы молодыя
Не боялись жизни грозъ;
Когда сердце билось сильно
И въ груди кипѣла кровь,
И душа, душа обильно
Все мечтала про любовь...
Вспомнишь день румяный, ясный,
Изъ живыхъ цвѣтовъ коверъ.
Разговоръ и шепоть страстный,
Полный ласки тихій взоръ;
Вспомнишь садъ нашъ опустѣлый,
Гдѣ въ любви мы поклялись,—
Мигъ, когда амура стрѣлы
Въ сердце жадно мнѣ впились.
Шалунишки подсмотрѣли
Нашу первую любовь...
Но дни счастья пролетѣли,
Не вернуть теперь ихъ вновь!

Ю. Е—овъ.

Въ степи. (Къ рис. на стр. 745.) Широко и привольно раскинулась безконечная степь. Словно волна на морѣ, переливается отъ вѣтра сѣроватый ковыль. Солнце палитъ и жжетъ безграничную степь, среди которой бѣлѣется хуторъ. Въ немъ живутъ нѣсколько сторожей киргизовъ, обязанныхъ пасти табуны лошадей. Съ гикомъ и свистомъ загоняютъ они косякъ коней въ загородку, чтобы тамъ разсортировать ихъ. А солнце палитъ и палитъ. Не даетъ прохлады и чуть замѣтный вѣтерокъ, едва колышащій посѣдѣвшій ковыль.

Дачное нашествіе. (Къ рис. на стр. 751.) Бѣдный дачникъ! Любитель повеселиться зимой, онъ лѣтомъ стремится отдохнуть отъ сутолоки и скрыться гдѣ-нибудь, да скрыться такъ, чтобы зимніе знакомые не могли его отыскать. Такъ сдѣлалъ и Петръ Петровичъ Гулявинъ. Забрался онъ въ глушь и спокойно прожилъ около трехъ недѣль. Никто не навѣщалъ его, и жизнь Петра Петровича вошла въ извѣстную колею. Но врагъ силенъ. Знакомые узнали про анахоретство Петра Петровича и въ одинъ прекрасный день нагрянули къ нему на дачу. Время было обѣденное. Петръ Петровичъ, расположившись на террасѣ, съ удовольствіемъ кушалъ ботвинью, какъ вдругъ... вдругъ десятокъ голосовъ послышался со стороны дороги: «Пріятнаго аппетита, Петръ Петровичъ», и дачное нашествіе началось. Какъ оно отразилось на Петрѣ Петровичѣ, это видно на рисункѣ, помѣщенномъ на страницѣ 751 настоящаго номера журнала.

Объѣздъ губерніи. (Къ рис. на стр. 753.) По пыльной дорогѣ мчится тарантасъ, запряженный тройкою бойкихъ сѣрыхъ лошадей. Въ полуоткрытомъ тарантасѣ сидитъ военный и зорко всматривается въ окружающую мѣстность, заросшую бурьяномъ, кочковатую, съ рѣдкимъ лѣскомъ: это губернаторъ объѣзжаетъ свою губернію, чтобъ лично видѣть всѣ нужды крестьянъ, видѣть и слышать изъ устъ самихъ хлѣбопашцевъ заявленія объ ихъ недостаткахъ. Мѣстные стражники встрѣчаютъ губернаторскій тарантасъ и сломя голову мчатся во главѣ поѣзда въ ближайшую деревню, чтобы приготовить крестьянъ къ встрѣчѣ сановника, облеченнаго властью по губерніи. Быстро мчится тройка, звенитъ колокольчикъ подъ дугой, а дорога кажется безконечно длинной со своею сѣрою пылью и разросшимися по сторонамъ кустарниками.

Въ японскомъ плѣну. Панихида по скончавшимся товарищамъ. (Къ рис. на стр. 761.) Далеко-далеко унесла нашихъ сѣрыхъ героевъ настоящая война. Изъ полей и песковъ Манчжуріи многіе попали въ «страну Восходящаго солнца». Были захвачены въ плѣнъ на боевыхъ долинахъ отсталые и раненые и отвезены за море въ чужую русскому человѣку Японію. Но и здѣсь, въ чужой сторонѣ, оказался священникъ, также взятый въ плѣнъ во время боя. Надѣвши ризу и поставивъ аналой, онъ отпѣваетъ тѣхъ, кто не вынесъ тягостей плѣна и тихо отошелъ въ чужой землѣ, подъ чужимъ небомъ, на берегу чужого моря. Заунывно несется пѣніе, заунывны молитвы среди незнакомой природы, но всѣ русскіе настроены молитвенно, они сознаютъ, что здѣсь, на чужбинѣ, отдаютъ послѣдній долгъ, молясь объ упокоеніи товарищей, дѣлившихъ съ оставшимися въ живыхъ всѣ невзгоды похода и боевъ и мирно почившихъ среди чуждой имъ обстановки. Голосъ священника торжественно звучитъ и поетъ послѣднее надгробное пожеланіе: «Со святыми упокой!», и набожно творятъ крестное знаменіе оставшіеся въ живыхъ товарищи покойныхъ воиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 24-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“ **Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Прод.) — **Русалки.** Стих. Евг. Богославскаго.—**Зарница.** (Легенда.) П. Агриппинина. — **Благодарность.** Стих. Н. И. Чиркова.—**Весенній захватъ.** Ром. Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Лѣтомъ въ лѣсу. Ориг. рис. Е. Степанова-Невскаго. — Шалости амуровъ. Съ карт. Л. Деттманъ.—Въ степи. Съ карт. З. Айдукевича. — Дачное нашествіе. Ориг. рис. Г. Бролинга. — Объѣздъ губерніи. Ориг. рис. Э. Сулиманъ-Грудзинскаго. — Въ японскомъ плѣну. Панихида по скончавшимся товарищамъ. Ориг. рис. П. Никитина.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Земной рай. (Дачное и печальное происшествіе.) Маркъ-Мана.—Въ новомъ стилѣ. (1 рис.) — Мотылекъ. (5 рис.) — Дачники. Житейская сценка Апулея. — По рецепту доктора. (1 рис.)—Современно. (1 рис.)—Ребусъ № 4.—Перестановка буквъ № 26.—Загадка № 19.—Магическій квадратъ № 4. — Шарада № 23. — Метаграмма № 4.—Шарада № 24.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журн. № 22.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Три адмирала балтійской эскадры. (Съ 3 портр.) — Крейсеръ „Изумрудъ“ и его команда. (Съ 1 портр. и 1 группой.)—Къ Цусимскому бою. (Съ 3 портр. и 2 группами.)—Къ свадебнымъ торжествамъ въ Берлинѣ. (Съ 1 рис.) — Путешествіе испанскаго короля въ Англію. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“ 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 12. Романы русскихъ писателей, кн. 6-я, содержащая въ себѣ романы:

ВЪ ЧАДУ ЛЮБВИ.

С. А. Миклашевской. (Окончаніе. Стр. 161—272.)

Предсказаніе ворожеи.

С. П. Киснемскаго. (Стр. 1—48.)

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
БЕЗПЛАТНО! ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗПЛАТНО!
БЕЗВРЕДНЫМИ ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ.
КНИГУ. ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ и ЖИВОТНЫХЪ; въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“, высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на расх. перес. (заказнымъ 28 коп.)
СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ ВЪ 1834 ГОДУ
Центральная Гомеопатическая Аптека
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ, 15.
Существующая при Аптекѣ Лѣчебница Доктора Флемминга даетъ иногороднимъ письменные совѣты (неимущимъ безплатно).

ПАРИЖСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ НОВОСТИ. 309
7 образц.—1 р. 05 к.; 12 за 1 р. 90 к.; 20 за 4 р. 35 к. Тутъ включены перес., упаковка и пошлина. Прейсъ-курантъ безплатно. Амалія Фрелихъ, гор. Ранси при Парижѣ, улица Викторъ Гюго, № 40, кв. 9.

Только за 3 р. 75 к.

высылаю налож. платеж. безъ задатка изящные и прочные карманные мужскіе откр. часы изъ настоящаго французск. новаго золота „Вѣкъ“, 1-го сорта, непозолоченные, заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе—5 р. 50 к., 6 р. 50 к. и дороже. Дамскіе глухіе — цѣна 7 р. 50 к. Адресовать: Въ главный складъ французскихъ часовъ Михаила Якубовича въ Варшавѣ, Желѣзная ул., уг. Грибной—С. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ. P. S. Премія: при заказѣ 5 шт. часовъ сразу прилагается 1 часы безплатно. Остерегайтесь поддѣлокъ! Обращ. вним. на марку „Вѣкъ. 332

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами
ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ
вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.
Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами.
Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К°. ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО Молодости МОСКВА. 20 коп. кус.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.
Контора редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса прилагать старый адресъ, по которому получался журналъ, и 28 коп. почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—тоже прилагать свой прежній адресъ и 25 коп.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

ТРЕБУЙТЕ И УБѢЖДАЙТЕСЬ!! Только за 3 руб. 75 коп. 6 цѣнныхъ вещей.

Кто желаетъ имѣть дѣйствительно прочные, вѣрные часы и недорого, тотъ пусть выпишетъ изъ нашего склада часы черные, ворон. стали, мужскіе, открытые, анкеръ (а не цилиндръ), съ вѣрнымъ и звучнымъ ходомъ, заводъ безъ ключа; 2) цѣпь шатленъ никкелев. изящной работы; 3) брелокъ такого-же металла; 4) портсигаръ никкелев. изящной работы; 5) карманный ножикъ заграничной работы; 6) предохранитель часовъ отъ порчи. Всѣ эти вещи высылаются, вмѣсто 8 р. 25 к., всего только за 3 руб. 75 коп. Пересылка за счетъ заказчика. Часы высылаются вывѣренные до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ, по полученіи заказа налож. платеж. безъ задатка. Адресовать: Экспортному дому Т-во „Діана“, Варшава, 1097-а. 336

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра: ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ
Ч. Ю. ЭРНСТА. Москва. Б. Никитская № 11.
Руководство къ самообученію 2 р. 5

Сенсаціонная новость!
АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА.
Savon Brésilien da-Costa.
Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой «Звѣзда», какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.
Выписывайте изъ главнаго склада
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ, Владимірская, 3.

ДЛЯ ДАЧЪ и ДЕРЕВЕНЬ
ДЕШЕВО И ПРОЧНО. 340

12 столовыхъ ножей и 12 вилокъ, всего 24 предм., изъ одного куска лучшей стали каждый красиво гравированный и никкелированный—6 р. то-же съ деревянными ручками за 12 паръ отъ 1 р. 50 к. Знаменитыя безопас. бритвы „Star“ — 3 р. 50 к. „Имитація Star“ — 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к. Обыкновенныя бритвы отъ 75 коп до 5 руб. Машинки для стрижки волосъ съ 3-мя №№—3 р., 4 р. и 5 р., для бороды—2 р. 50 к., 3 р. 50 к. и 4 р. Карманные ножи отъ 20 коп. Походный ножъ — 1 р. 75 к. Масса новостей. Иллюстр. каталогъ безплатно. Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая, 9.

Я былъ лысымъ.

Еще недавно я былъ совершенно лысымъ. Мой отецъ и дѣдушка были лысы. У моей матери отъ природы были рѣдкіе волосы. Я уже помирился съ мыслью остаться лысымъ, когда, во время экскурсіи по Швейцаріи, я познакомился съ пожилымъ ученымъ, который спросилъ меня во время разговора, не желаю-ли я

имѣть пышные волосы; сильно заинтересованный, я, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ разсказалъ мнѣ, что всю свою жизнь изучалъ химію и въ особенности занимался физіологіей волосъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ написалъ мнѣ рецептъ и горячо совѣтывалъ отдать его въ аптеку для изготовленія по нему мази. Я поспѣшилъ это сдѣлать, какъ только пріѣхалъ въ Женеву, и употреблялъ этотъ препаратъ короткое время. По истеченіи трехъ недѣль волосы мои стали расти. Часть помады я отдалъ двумъ родственникамъ: у одной изъ нихъ, дамы, почти не было волосъ. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ поразительный.

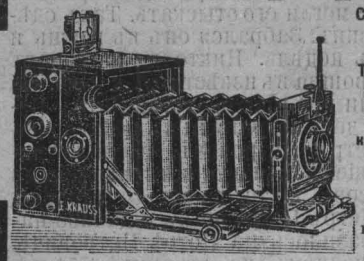
Съ тѣхъ поръ я продаю это средство съ позволенія ученаго, который сдѣлалъ открытіе. Я могу привести сотни примѣровъ успѣшнаго и сильнаго дѣйствія его на оба пола. Его преимущество состоитъ въ томъ, что оно чрезвычайно питаетъ кожу, усиливаетъ ростъ волосъ и укрѣпляетъ ихъ. 350

Я ручаюсь за то, что это средство не содержитъ никакихъ веществъ, могущихъ повредить волосы или кожу. Каждому читателю, который, ссылаясь на эту газету, пришлетъ мнѣ свой точный адресъ, 2 марки по семи копеекъ за пересылку и т. п., я тотчасъ вышлю для пробы небольшое количество этого средства совершенно безвозмездно, чтобы дать возможность убѣдиться въ дѣйствительныхъ его достоинствахъ.

Если Вы найдете, что волосы начинаютъ расти, я Вамъ охотно продамъ за недорогую цѣну достаточное количество.

Всѣ заказы исполняются въ возможно непродолжительномъ времени съ ручательствомъ за соблюденіе тайны. **Джонъ Кравенъ Берлей**, Москва, Неглинный проѣздъ, д. **84**, Купеческаго Общества.

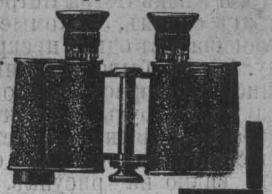
Е. КРАУСЪ



С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 5. Телефонъ 6139.

Фотографическіе аппараты.

Такиры Краусъ и другіе. Микроскопы Бинокли. Зрительныя трубы. Общ. прейсъ-курантъ безплатно.



ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!

„УСАТИНЪ“ А. ГЕБГАРДТА „УСАТИНЪ“

даетъ всякимъ усамъ удивительно изящную форму и сохраняетъ глянецъ и мягкость. Даже самые маленькіе усы дѣлаются большими и даже густыми.

„Усатинъ“—вещество не клейкое и не жирное.

Фл.—1 р. Перес. до 2 флак.—50 к., въ Азіат. Рос.—90 к.

Слад техно-химическихъ спеціальностей А. ГЕБГАРДТА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88—7 (во дворѣ). 226

Н. Феттеръ и Е. Гижкель.

Москва, Театральный проѣздъ, домъ Блохиной.

Поставщики Императорскаго Общества правил. охоты и его Новгородско-Тверскаго отдѣла. Единственные представители для всей Россіи оружейныхъ заводовъ И. П. Зауэра и сына въ Зулѣ, Г. Пипера въ Льежѣ, Акціонернаго Общества Маузера въ Оберндорфѣ, національной фабрики военнаго оружія въ Герсталь-Льежѣ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно.

ASTRIS
ДУХИ L·T·PIVER ДУХИ
PARIS

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ

не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.)—30 руб. и 1/2 ящ. — 16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „Кумысъ и его приготовленіе“ (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка, Самарской губ., Б. Н. Постникову. 23

Лучшее косметическое средство,

дѣлающее лицо свѣжимъ и чистымъ.

Источникъ красоты.

Патент. въ Англіи.

Кремъ КАЗИМИ

Метаморфоза

противъ ВЕСНУШЕКЪ.

Доказательствомъ **подлинности** средства противъ **веснушекъ** служитъ подпись *Cazimi*

и приложенный при каждой банкѣ рисунокъ „**ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ**“.

Безъ подписи *Cazimi* и рисунка утвержденнаго Департаментомъ Торгов. и Мануфактур. за № **4683**—

ПОДДѢЛКА.

Продается во всѣхъ аптекарск. парфюм. магаз. и аптекахъ.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

СКРИПКИ

Для учениковъ: 6, 8, 10, 15 и 20 руб.

Для артистовъ: 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже до 1000 руб.

Народныя 2, 3 и 4 руб.

Смычки отъ 50 коп. до 60 руб.

МАНДОЛИНЫ

Лучшихъ итальянскихъ мастеровъ отличнаго тона 22, 30, 50, 75, 100 р.

Дешевые сорта: нѣмецкія 4 и 6 руб., итальянскія 8, 12 и 15 руб.

ГИТАРЫ

съ механизмомъ для струнъ 5, 6, 7 и 10 руб. **лучшія** (любительскія въ большомъ спросѣ) 15 и 20 руб. **очень хорошаго качества** 25, 30, 40, 50, 75 руб. и дороже.

дешевые сорта 3 и 4 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для любителей и оркестровъ съ металлическими колками: 5, 6, 7, 10, 12, 15, 20 руб. и дороже.

Народныя 1 1/2, 2, 3 и 4 р.

Домры на разныя цѣны.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. ◆ Москва, Кузнецкій мостъ.

Гальманинъ 30-лѣтній УСПѢХЪ.

Всѣмъ извѣстный порошокъ противъ прѣнія тѣла, особенно ножныхъ пальцевъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ и другихъ препаратовъ подъ разными названіями, не достигающихъ своей цѣли. 477

Настоящій Гальманинъ обвернутъ въ англійскую коричневую бумагу съ водяными знаками „Гальманинъ Карпинскаго“ — „Mon meilleur camarade“ и получить его можно въ аптекахъ и аптекарскихъ магазин.

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • МОЛОКО НЕСТЛЕ!

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22 Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Дозволено цензурою. Спб., 4-го іюня 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org